

Свиданіе съ Маццини.

В то время, къ которому относится моя встрѣча съ Маццини, я проводилъ большую часть моего времени въ Гейдельбергѣ, усердно работая въ лабораторіи Бунзена и слушая лекціи Кирхгофа по нѣкоторымъ отдѣламъ теоретической физики. Наука всецѣло увлекала меня, а политика скорѣе отталкивала, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, какъ въ то время се проповѣдывали тогдашніе корифеи нашего движенія. Конечно, я былъ, какъ и большинство моихъ современниковъ, горячій сторонникъ представительной формы правленія и мирнаго разрѣшенія нашего вѣкового спора съ Польшей. При этомъ, сколько я себя помню, я всегда враждебно относился къ такъ называемому социальному движенію, то есть насильственному разрѣшенію социального вопроса, вполнѣ сочувствуя вмѣстѣ съ тѣмъ всякому успѣху

Отъ Редакціи.

Авторъ воспоминаній Владиміръ Ѳедоровичъ Лугининъ, участвовалъ въ Севастопольской кампаніи въ качествѣ офицера, только что выпущеннаго изъ артилерійскаго училища, которое окончилъ первымъ ученикомъ. По окончаніи Севастопольской войны, онъ поступилъ въ артилерійскую академію, которую окончилъ тоже блистательно. По выходѣ изъ академіи, на военной службѣ оставался, однако, не долго, а выйдя въ отставку, уѣхалъ за границу, для спеціальнаго изученія химіи. Къ этому пребыванію за границей и относится упомянутый рассказъ „Свиданіе съ Маццини“. Впоследствии онъ получилъ въ Россіи степень почетнаго доктора химіи и былъ довольно продолжительное время профессоромъ Московскаго университета по термехиміи.

Теперь онъ—почтенный старикъ—проживаетъ, по болѣзни, за границей, гдѣ, насколько позволяетъ здоровье,—продолжаетъ занятія химіей.

Ред.

кооперативнаго движенія. Эти нѣсколько словъ я принужденъ привести для разъясненія послѣдующаго разсказа, сущность котораго, впрочемъ, мало касается меня лично, въ немъ приводится лишь описаніе моего свиданія съ однимъ изъ создателей современной Італіи, съ Маццини.

Упоминая о современныхъ дѣятеляхъ русскаго движенія, я долженъ оговориться относительно одного изъ нихъ, а именно—Александра Ивановича Герцена, съ которымъ я уже давно былъ знакомъ, въ то время, къ которому относится настоящій разсказъ. Личность Герцена имѣла на меня всегда огромное обаятельное вліяніе. Я говорю о личности, а не о теоріяхъ его, съ которыми я никогда не могъ согласиться. Меня увлекала его благородная чистая личность, его художественная рѣчь и въ общемъ благородный протестъ противъ господствовавшаго тогда у насъ произвола.

Очень понятно поэтому, что я пользовался всякимъ случаемъ для свиданія съ Герценомъ для того, чтобы провести нѣсколько вечеровъ съ нимъ, слушая его обаятельную рѣчь. Университетскіе порядки Гейдельбергскаго университета дѣлали свиданія эти возможными, благодаря продолжительнымъ вакаціямъ, которыми прерывалось преподаваніе въ университетѣ, весною и осенью. Я это время обыкновенно проводилъ въ Лондонѣ, гдѣ жилъ Герценъ, и оставался тамъ нѣсколько недѣль, а однажды даже записался на это время въ лабораторію Гофмана, который преподавалъ химию въ Лондонской горной школѣ. Одинъ изъ моихъ пріѣздовъ въ Лондонъ совпалъ съ появленіемъ тамъ знаменитаго Бакунина, только что бѣжавшаго изъ Сибири. Посѣщая очень часто Герцена, у котораго Бакунинъ бывалъ чуть ли не каждый день, я, очевидно, не могъ не познакомиться съ нимъ, но впечатлѣніе, которое онъ произвелъ на меня, было совершенно противоположно тому, которое всегда производилъ на меня Герценъ. Ни изящной личности, ни увлекательной рѣчи Герцена я не находилъ у Бакунина. Я находилъ у него всѣ особенности узкаго сектанта, озлобленнаго жизнью, но, какъ казалось мнѣ, совершенно неспособнаго имѣть вліяніе на сколько-нибудь развитаго человѣка. Что касается до меня, то если бы не престижъ долгихъ пережитыхъ страданій въ тюрьмахъ Саксоніи, Австріи и, наконецъ, Россіи, то я, конечно, очень скоро удалился бы отъ него. Между разными особенностями Бакунина мнѣ въ самомъ началѣ нашего знакомства указывали на его страсть утилизировать для цѣлей своей пропаганды всякаго человѣка, съ которымъ онъ сталкивался. Особенность эту мнѣ вскорѣ пришлось испытать на себѣ. Послѣ немногихъ дней знакомства онъ вздумалъ предложить мнѣ отправиться на Кавказъ изучить настроеніе тамошнихъ войскъ.

нашихъ въ политическомъ отношеніи. Когда онъ дѣлалъ мнѣ это предложеніе, онъ совершенно не зналъ, какъ я отношусь къ политической дѣятельности и даже къ какому направленію принадлежу и вообще, желаю ли я принимать участіе въ активной политической дѣятельности. Онъ зналъ только, чрезъ Герцена, что я воспитывался въ одномъ изъ военно-учебныхъ заведеній Петербурга. Я, разумѣется, самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергъ это предложеніе Бакунина. Но этимъ предложеніемъ утилизировать меня для своихъ революціонныхъ цѣлей дѣло не окончилось, и, встрѣтивъ меня черезъ нѣсколько дней, онъ сдѣлалъ мнѣ новое предложеніе, которое меня очень соблазнило. На этотъ разъ дѣло шло не о русскомъ революціонномъ движеніи, не о братьяхъ славянахъ, въ то время излюбленныхъ дѣтищахъ Бакунина, а объ участіи въ ожидаемомъ новомъ покушеніи Гарибальди высадиться гдѣ-нибудь въ южной Италіи и двинуться на Римъ. Оказывалось, что ему нужны были офицеры, особенно артиллеристы, и таковыхъ вербовалъ ему жившій тогда въ Лондонѣ Маццини. Мысль примкнуть къ экспедиціи Гарибальди меня чрезвычайно соблазняла, какъ по дѣлу, которому я готовъ былъ служить, такъ и благодаря имени Гарибальди. Но исполненію этого проекта представлялось очень серьезное препятствіе, а именно — недостатокъ денегъ. Какъ я уже упоминалъ, я пріѣхалъ въ Лондонъ на время вакацій Гейдельбергскаго университета и взялъ съ собою только незначительное количество денегъ, какое было нужно для кратковременнаго пребыванія; къ тому жъ деньги эти были уже на исходѣ. А для того, чтобъ выписать денегъ изъ Петербурга, требовалось довольно продолжительное время, по крайней мѣрѣ двѣ недѣли; ѣхать же къ Гарибальди надобно было спѣшно — черезъ два, много три дня. Бакунинъ, впрочемъ, отнесся къ этому затрудненію очень легко. Увѣривъ меня, что Герценъ ссудитъ меня нужными деньгами, благо, онъ давно знаетъ меня, что терять нечего времени и что завтра же надобно отправиться къ Маццини. Не помню, по какой причинѣ мы не могли въ тотъ же вечеръ переговорить съ Герценомъ о нужныхъ мнѣ деньгахъ и объ условіяхъ, на которыхъ я желалъ сдѣлать у него заемъ, по всей вѣроятности его въ это время не было дома. Во всякомъ случаѣ я повѣрилъ увѣреніямъ Бакунина, и на другой день мы отправились къ Маццини, котораго Бакунинъ предупредилъ о цѣли нашего посѣщенія. Маццини, когда я былъ представленъ ему, имѣлъ видъ бодрого, далеко не стараго человѣка, очень сухощавъ, держался чрезвычайно прямо и вообще имѣлъ видъ, нѣсколько напоминавшій отставнаго военнаго, какіе довольно часто встрѣчаются за границей, особенно во Франціи. Онъ все время говорилъ на фран-

пузскомъ языкѣ, на которомъ объяснялся совершенно свободно, и, на сколько я могъ замѣтить, безъ всякаго акцента. Говорилъ онъ скорѣе медленно, а не какъ южанинъ-италианецъ. Бакунина онъ встрѣтилъ очень любезно, какъ хорошаго знакомаго. Меня—также очень любезно, особенно когда я объяснилъ ему мое желаніе по-сильно служить дѣлу Италіи, подъ знаменами великаго Гарибальди, но что въ настоящее время я не могу еще взять опредѣленнаго обязательства, по причинѣ, не зависящей отъ моей воли; а именно—препятствіемъ, какъ я надѣюсь, временнымъ, является недостатокъ денегъ, но что Бакунинъ положительно обѣщаль мнѣ доставить нужную небольшую сумму, и не позже завтрашняго дня, а слѣдовательно для того, чтобы дать ему положительный отвѣтъ, я просилъ у него нѣсколько часовъ времени. Тутъ Маццини прервалъ меня, сказавъ: Такъ мы и будемъ говорить о Вашей поѣздкѣ пока условно; а пока объясню Вамъ, въ чемъ будетъ состоять Ваше порученіе. Васъ же прошу только хранить пока въ тайнѣ то, что я сообщу Вамъ. Затѣмъ онъ подробно сообщилъ мнѣ тотъ маршрутъ, которымъ я долженъ былъ слѣдовать, для того чтобы достичь мѣста высадки Гарибальди. Для этого я долженъ былъ сперва отправиться въ Миланъ, чтобы передать записку отъ Маццини бывшему диктатору Римской республики 1848 года Аурелію Саффи и получить отъ него подробное указаніе того пути, которымъ я долженъ былъ слѣдовать, для того чтобы присоединиться къ высаживавшемуся уже отряду Гарибальди, о которомъ въ то время у Маццини были только смутныя свѣдѣнія. Въ заключеніе Маццини вручилъ мнѣ краткую записку къ Саффи, въ которой, если я не ошибаюсь, онъ упоминалъ о какихъ-то пушкахъ, которыя должны были быть при отрядѣ Гарибальди. Этимъ окончилась дѣловая часть нашего разговора. Но вслѣдъ за нимъ онъ рассказалъ намъ, то есть Бакунину и мнѣ, чрезвычайно интересный эпизодъ, который и побудилъ меня сообщить всѣ эти замѣтки. Вопреки своей обычной сдержанности, онъ рассказалъ намъ, что во время Восточной войны онъ получилъ отъ Императора Николая Павловича предложеніе начать политическое движеніе въ Ломбардо-Венеціанскихъ областяхъ Австріи. Не знаю точно, къ какому времени это предложеніе относится, но, очевидно, что Императоръ Николай уже предчувствовалъ въ Австріи противника и готовилъ ему диверсію.

Одно условіе, поставленное Императоромъ Николаемъ Павловичемъ для ссуды Маццини очень значительной суммы, кажется, нѣсколькихъ милліоновъ, было—чтобы движеніе имѣло характеръ монархической, и на этомъ условіи все дѣло не состоялось. Маццини ставилъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы предполагаемое движеніе имѣло рес-

публиканскій характеръ, а Императоръ Николай напротивъ соглашался оказать поддержку Маццини только въ томъ случаѣ, если оно будетъ сдѣлано въ пользу монархіи, именно—Савойскаго дома. Онъ ставилъ это необходимымъ условіемъ, несмотря на то, что враждебныя отношенія Сардиніи уже выяснились. На этомъ дѣло и разстроилось. Маццини говорилъ намъ, что онъ не имѣлъ никакого предубѣжденія противу дѣйствія совместно съ Императоромъ Николаемъ, и что онъ готовъ былъ бы дѣйствовать, съ кѣмъ угодно, лишь бы это было въ пользу Италіи и противъ коренныхъ враговъ Италіи, противъ Австріи и папы.

Маццини окончилъ свой любопытный рассказъ, назвавъ и того главнаго агента, чрезъ котораго всѣ эти переговоры происходили; это былъ знаменитый въ то время итальянскій пѣвецъ, теноръ итальянской оперы въ Петербургѣ, Тамберликъ. Мое первое впечатлѣніе, услышавъ это имя, было удивленіе, но короткаго размышленія было достаточно для того, чтобы согласиться съ Маццини, что выборъ Тамберлика тайнымъ агентомъ при этихъ переговорахъ, требовавшихъ полной тайны и большой ловкости, былъ очень удаченъ.

Къ этому же долженъ добавить, что какъ личность Маццини, такъ и та обстановка, при которой онъ рассказалъ намъ этотъ эпизодъ, совершенно исключаютъ возможность какой-либо неправды. Таково было впечатлѣніе, которое онъ произвелъ и на Бакунина. Я долженъ добавить, что предполагавшаяся экспедиція не могла состояться, вслѣдствіе недостатка денегъ. Герценъ ихъ не далъ, объясняя свой отказъ самою ненужностію поѣздки, о чемъ рассказалъ въ посмертныхъ своихъ сочиненіяхъ. Я долженъ былъ отправиться къ Маццини вторично и возвратить ему данные имъ мнѣ документы.

В. Лугининъ.

